

A photograph of a sunset over a body of water. The sun is low on the horizon, partially obscured by a tree, creating a bright orange glow. The sky is a mix of orange and yellow. In the foreground, there are silhouettes of trees and buildings. The water reflects the sunset and the silhouettes. The overall mood is peaceful and romantic.

ЕЛЕНА СЛОБОДЯНЮК

**Я
ВИЖУ
КАЖДЫЙ
ТВОЙ ШАГ**

Посвящается тебе

ЕЛЕНА СЛОБОДЯНЮК

Я

ВИЖУ

КАЖДЫЙ

ТВОЙ ШАГ

**Москва
2023**

SBN-5-89790-045-0

Слободянюк Е. А.
Я ВИЖУ КАЖДЫЙ ТВОЙ ШАГ

2-е издание

Редактор Дудин Л. А.
Компьютерная вёрстка Слободянюк Л. А.,
Фото Слободянюк А. Д.
Технический редактор Агапова Е. В.

Издательство “Интеллект-центр”

Подписано в печать 16.08.2023г. Формат 70x108/32
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 3,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 345

© Слободянюк Е. А.

Воскресенская типография
vosprint@mail.ru? тел. 8(926) 966-49-48

...Страницы, выпавшие из личного дневника и соединённые в тоненькую книжку, едва ли можно считать поэтическим сборником. Опубликованные и растиражированные, они, скорее, будут походить на фрагменты из жизни. И всё же я решилась на этот шаг, потому что уже слишком много глаз смотрят на меня с надеждой и ожиданием, и слишком далеко находятся дорогие мне люди, к которым хочется быть немного ближе – ближе хотя бы на один этот шаг.

Если что-нибудь и получилось из этой затеи, то только благодаря поддержке, трудолюбию и таланту моих самых главных помощников.

Любимые мои мама, папа, учитель! Сегодня моя музыка звучит для вас.

Е. СЛОБОДЯНЮК

* * *

Л. Дудину

*Все пропитано в мире водой
И размыто потоками ветра.
Воздух мокрый сегодня такой,
Что его можно кружками черпать.*

*Не успеют просохнуть дороги,
Как опять побегут, шелестя,
Спотыкаясь, ныряя под ноги,
По асфальту веснушки дождя.*

1983 г.

НАШЕСТВИЕ

... А ветер шёл размашисто и нервно,

Крылато-широко раскинув руки...

Метались и шарахались деревья,

Швыряя исковерканные звуки,

Как высохшие ломаные стрелы.

...А ветер шёл бредово и угарно,

Извечные пейзажи искажая...

И все пути и дали были рваными

И, птицами навывлет продырявлены,

Грядущие пожары отражали.

... И, пожирая дымные цвета,

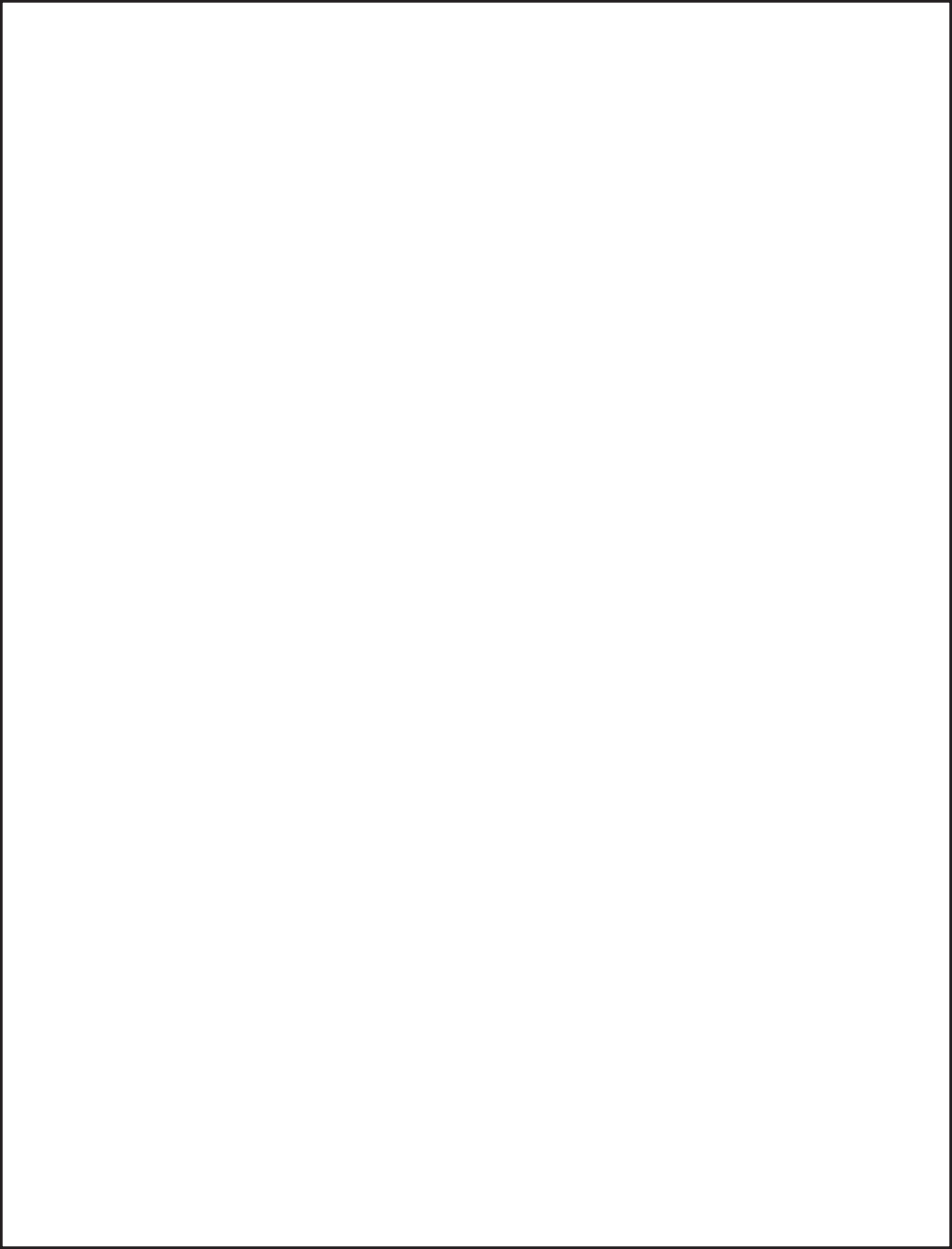
Чернеющее небо нарастало...

От жаркого отчаянья восстав,

Я, запрокинув голову, стояла,

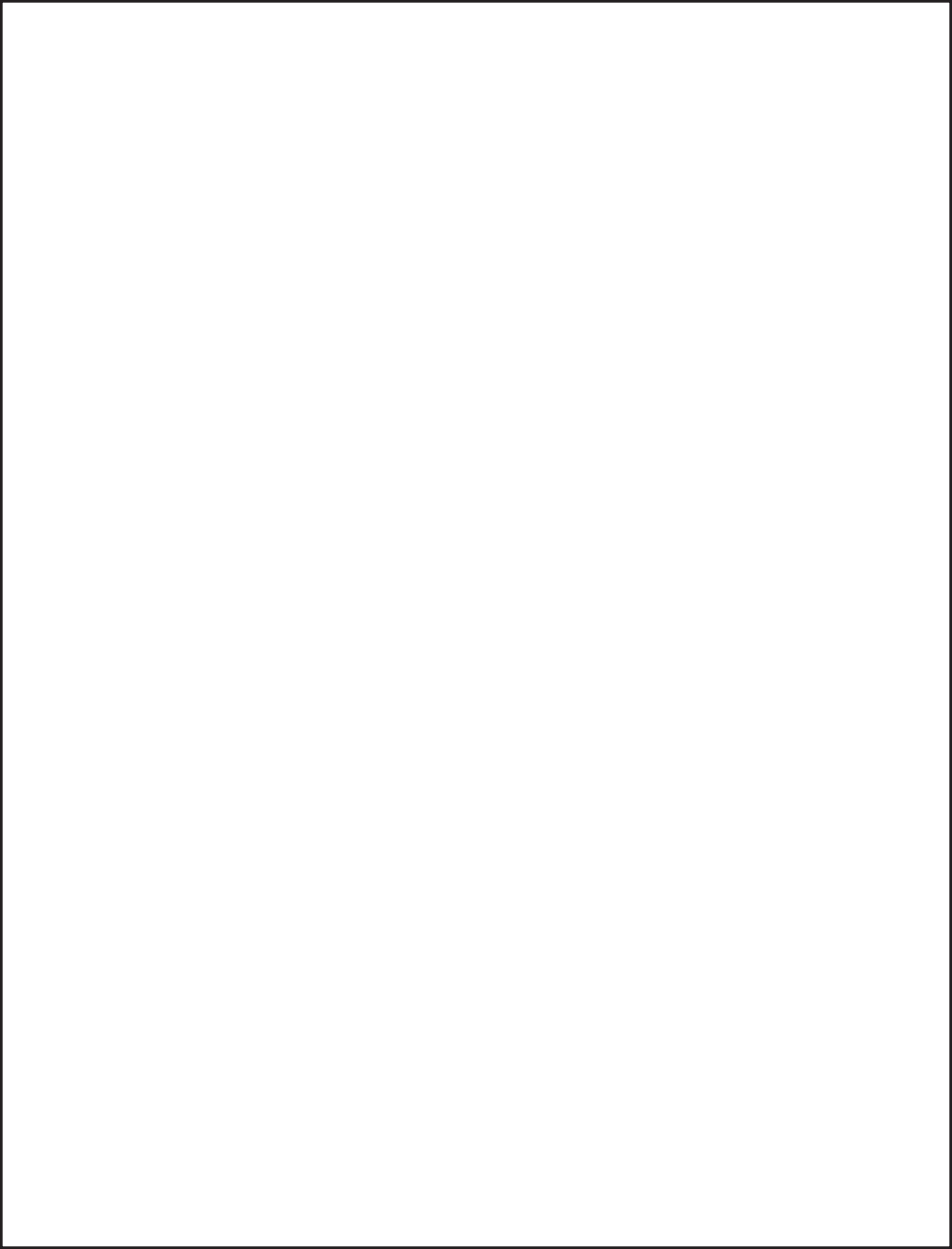
По-ветренному руки распластав.

1999 г.

Глава 1

**КОЛЫБЕЛЬНАЯ
КНЯЗЮ**

*Когда Господь трудился над моей любовью,
Творя коктейль из всевозможных чувств,
Ему мешали...*

* * *

Где ты теперь,
В каком моём сне,
В какой боли?
Сколько ночей ты идёшь,
Сколько бессонных ночей?
Лунный полёт расколот
над головою,
И звёзды на чёрном небе
Стали стаей
черных грачей.
Кто я теперь,
Сколько мне дней,
Сколько мук?
Смогу ли увидеть глаза,
Услышу ли руки твои?

Ты не придёшь...

Мой голос, как шорох листов, сух,

Слезы мои пусты

от твоей любви.

Когда я устану,

Когда упаду

в огонь

лицом,

Чтобы ты не увидел на нём

отражения смерти?

Не знаю, станет ли больно тебе

перед моим

концом,

Или просто неприятно,

как будто

против

шерсти...

1988 г.

Вначале был свет,
И свет был у меня,
И светом

был ты.

Откуда столько боли
От этого огня,
Откуда этот страх
темноты?

Мы были друг у друга,
Мы были друг в друге, —
Куда же мы ушли?
Лишь на стене — гитара
Без голоса и звука —
Распятый

клок

души...

1988 г.

Распятые мое

так высоко,

И гвоздь

в ладони блестит,

И сердца копьем не достанет никто,

И укусом не опоит.

Я так же мала, как и все

вокруг.

Но крест

над миром вознес —

Никто не коснется разорванных рук,

Не вынет из тела

гвоздь.

За что,

мой светлый, мой добрый,

за что?

За что так высоко убил?

По росту себе

распятыё нашёл

И казнь

по силам своим...

Стоишь и меня уже не узнаёшь –

Впервые

видишь такую...

И, выгнувшись больно, - ведь крест не даёт –

Я ноги твои

целую.

1988 г.

Тебе не больно

видеть меня,

Так низко упавшую в бездну твою?

Так жадно испившая холод огня,

Я над верой своей

теперь смеюсь.

Ты не дождёшься —

в лицо —

слов,

От которых нервы

струнами лоп-

нут:

Их давно уже стёр

в кровь

Твой

горящий светло

кнут.

1989 г.

Горячим лбом – в холодные ладони,
Кричащим ртом – в оглохшую подушку,
Иссохшими глазами – в омут ночи,
О главном, о болящем – между прочим.

Поющее, гитарное – о стену,
А солнечно-янтарное – в отрепья,
А новое и светлое – в архивы
Да в хаос – от гармонии и ритма.

От слепоты – к жестокому прозренью,
От неприятья – к мудрому терпенью,
От боли и от смерти – снова в солнце...
Сгорев, моя душа в тебе начнётся...

1992 г.

* * *

Сойди с креста – там нет любви,
А, значит, нет и боли...

1989 г.

*«В душе кружащийся танец
Моих улетевших дней...»*

А. Блок

Пора уходить, и в доме темно,
Лишь в самой маленькой, дальней комнате
Свеча, задыхаясь, поёт давно
Дуэтом с гитарой сломленной.

И, вопреки всем законам и правилам,
С неё год за годом струится воск,
И музыка кружится вальсовой парюю.
Уверенно и слито летя под откос.

И сил нет задуть песню живучую,
И сил нет глядеть на паденье огня.
Лучше просто уйти, двери наглухо – лучше,
И забыть обо всём в хохотании дня.

1989 г.

*И он встал у реки,
чтобы напиться
молчанья...
Б. Гребенцов*

Я дверь толкнула и вышла куда-то к луне,
А ночь была славной, как бархат в твоих
руках,
И кто-то заплакал, наверное,
обо мне,
Потом я узнала, что это была
река.
Я вышла в росу и упала пред ней на колени,
И холод её мои остудил
глаза,
А тихая ночь завершала своё
цветенье,
И первой слезой на щеке догорала звезда.

Я вышла к тебе и в твоей синеве растворилась.
Расплавилось небо, и что-то случилось с луной.
Я долго и жадно, но так неумело молилась
За душу, летящую в пропасть,
как птица – из клетки –
В ОКНО.

1989 г.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ КНЯЗЮ

*«...Знай, голубка, что был я
князь,
Хоть не смел показаться
с крестом...»
А. Вуколов*

Ты спишь, и сон твой светел,
Как имя Господа в руке ребёнка,
Как звон шагов, идущих по воде,
Как золото небес, разлитое в бокалы,
И как дождливый долгожданный шёпот,
Бликующий в протянутых ладонях.

Ты спишь, и сон твой светел,
И боль непройденных дорог ещё молчит,
А голоса внутри уже привычно слабы
И колыбельной музыки полны.

Твой сон храним и оттого он светел,
И оттого дыхание ровнее,
И даже смерть очередного дня
Не кажется значительной потерей,
А лишь свидетельством того, что ты живёшь.

Да будет жив и этот свет в тебе,
Да будет он замечен и прощён...

1992 г.

* * *

Когда-нибудь от боли возвращенья
Зайдется небо, звездами прибитое
К Вселенскому кресту...

И снова станут синими глаза,
Рука коснется губ, и губы – лба,
И голова — груди...

Умрут слова, готовившие ложь,
Увязнут мысли в патоке покоя,
И линия плеча

Надломится от боли возвращенья
И, завершая контуры гитары,
Во мне продлится...

1992 г.

* * *

Когда в последний раз ударил колокол,
Швырнув на землю баритонный лай,
Мир кончился... Лишь безобразно полная
В мазуте неба плавала луна.

И где-то в глубине слепого дворика
Кроваво харкал согнутый фонарь,
И кто-то окна наглухо зашторивал,
Услышав, что в какой-то колокольне
Повесился звонарь.

1990 г.

* * *

... И если суждено ему родиться было,
И этот мир ещё одним наполнить перезвоном,
И улыбнуться, потянувшись к солнцу
И к бабочке на тоненькой травинке,
И если это небо, эту ночь и эти звезды
Дано ему увидеть было
И отразить твоими синими глазами, –
На свет явился бы новорождённый ангел,
Кудрявый бог,
Твой сын,
Которому не суждено родиться...

1995 г.

* * *

А. Д.

И этот свет вошёл ко мне,
Душою посланный душе
В который раз.

Так входят в дом, где спит больной
Усталым и счастливым сном, —
Так входят к Богу...

1991 г.

БЕЛОЕ

... Я сегодня открываю дверь –

опять,

Чтобы крылья белые тебе –

отдать.

ПРОЛИТЬСЯ МУЗЫКОЙ И СВЕТОМ

Тонкий розовый краешек неба угасает на западе вместе с апрельским днём. На его фоне особенно величественно темнеет большой дом, тихо мерцая своими окнами, как кусочек звёздного неба.

Женская фигурка в тёплом золотом квадрате третьего этажа застыла в каком-то воспоминании, а, может быть, в бесконечном ожидании.

Кажется, что это всё уже когда-то было в моей жизни. Но когда же? Десять, двадцать лет назад? А, может, это повторяется всю жизнь, из года в год, и это я сама стою у окна и отражаюсь в светлеющем небе?

Так, с началом каждой весны, смутные и едва уловимые чувства томят душу, пробуждая такие же неясные надежды. Дни становятся длинными, звучными, наполненными солнечными запахами, и снова убеждаешься, что всё-таки мы пережили ещё одну зиму...

Не знаю, чем это было вызвано – силуэтом ли в окне напротив или той особенной весенней тишиной в душе, – но из дальнего уголка памяти вдруг возникли старые-старые детские строки, слабые и неуклюжие, но неожиданно зазвучавшие в унисон с догорающей песней заката:

Иду одна... Так странно гаснут окна,
Внезапно вызывая пустоту.
Так странно гаснут звуки, гаснет кто-то,
Задёрнув занавеской суету.

Уходят в глубину домов уснувших
Шаги неверья, шорохи потерь,
И белый лик луны глядит из лужи
На бесконечно млечную постель.

И долгожданный сон уже так близок...
И коврики застыли у дверей,
И темнота, как старый пёс, вылизывает
Молочную прохладу фонарей.

И кажется, что нет в окне потухшем
Ни боли, ни обиды и ни слез.
Одна луна ленивая подслушивает
Полуночные перезвоны звёзд.

Шаги ночного прохожего продолжают мерное
биение строки, а когда все стихнет, сердце подхватит
этот легкий ритм, чтобы наутро пролиться музыкой и
светом в наших любимых.

1997 г.

ВЕНОК СОНЕТОВ

А. П.

1

Я

Я шла остывшим берегом заката,
Держа в ладонях влажную звезду,
И тихая вечерняя прохлада
Сквозь пальцы истекала на ходу.

И облако блаженно улыбалось,
Блуждая белоснежно надо мной,
И перышки прозрачные теряло,
Взъерошенное ветренной волной.

А мимо протекала Бесконечность
И отражала голубые сны...
Развенчивая ночи скоротечность,
Я шла пологим берегом луны

И бережно несла тебе навстречу
Глоток живой небесной тишины...

НИКОГДА

Никогда ещё не был мой дом одиноким таким
и унылым,
И любимая музыка, полная света и красок,
Не была так безлика, надломлена и молчалива,
Словно тень на изломе стены,
как разбитая маска.

Никогда ещё окна так жалко,
беспомощно так не глядели.
Обезумела дверь и, как зверь, в темноте
огрызалась.

И впервые за долгие годы гитара не пела,
Онемела гитара и в руки уже не давалась.

Никогда ещё шаг, поворот головы
и сквозные изгибы в измятой постели
Не дышали такой бесполезной,
бессмысленной болью,
Будто комнаты раньше удобнее были,
движенья умнее,
Раньше, в жизни иной,
когда я не была, почему-то, с тобою...
И моё пребывание здесь, в этом доме чужом,
мне самой непонятно –
Я ушла далеко за твоей безоглядной душой,
Не запомнив пути
ни туда, ни обратно.

НЕ

Не вижу лица – только глаза,
Не слышу имён – одни голоса.
Движения тела, вершащего блюз,
И линию каждую знаю на вкус.

Я помню безумную музыку губ,
Я помню... но повторить не могу,
И медленным прикосновеньем руки
Читаю тебя, как чужие стихи.

Но ты закрываешь от солнца глаза,
Но ты не торопишься имя назвать...
Мне в этом полёте тебя не узнать
И крыльев тяжёлых одной не поднять.

И нету пути, только пальцы дорог
Сплетаются вновь у последних ворот.

ВИДЕЛА

Видела цветущие сады – во сне,
Плавала в безоблачной реке – во сне,
Бегала по радужной траве – в росе,
Слушала биение весны – во сне.

Засыпала, чтоб открыть глаза – в огне,
Умолкала, чтобы прозвучать – в огне,
Поднималась, чтобы не упасть – в огонь,
Умирала, чтобы снова петь – в огне.

Никому не говорила слов – тебе,
Никому не позволяла быть – тебе,
Никого от жажды не спасла – и тебя...
Никому не причинила боль – тебе.

Я сегодня отворяю дверь – опять,
Чтобы крылья белые тебе – отдать.

ЛИЦА

Лица заплаканного небо
Уже не прячет от меня.
Врастают ливневые стебли
В тугую оболочку дня.

Во взгляде молодого лета
Сквозит осенняя тоска,
И облачная прядь рассвета
Мерцает у его виска.

И дни становятся короче,
Как будто жизнь играет в блиц,
И раннюю беду пророчат
Затравленные стаи птиц,

И книга на полу хохочет
Мельканьем встрёпанных страниц.

6
ЕЁ

Дольники о Смерти

Её провожают взглядами,
Встречают восторженным «О!»
О ней говорят цитатами,
Как будто знают давно.

Один её призывает
В надежде на сладкий покой,
Другой всю жизнь избегает,
Платя высокой ценой.

Она не знает различий
И всем приносит боль.
Её ледяного величия
Бойтся и сам Король.

Но если ей посвящают сонеты,
Значит, кризис постиг поэта...

7

HO

...Ho...

42

ЗНАЮ

Знаю, какого цвета ветер, воздух и дождь,
 В руки беру уверенно картон, уголь и мел.
 Но человек не может знать всего,

как бы он ни был хорош,

И потому-то рисунок выходит невнятным

и неумелым.

Знаю, какого цвета слова и улыбки твои,
 Пытаюсь к ним свои подобрать,

чтобы были в тон.

Но человек не должен знать всего,

как бы он ни любил,

И потому-то я часто делаю и говорю не то.

Знаю, какого цвета мир, в который войду,

Глаза приучаю жить в тёплом течении звёздном.

Но человек не узнает всего, даже сгорев в аду,

Вот потому я все же рисую дождь, ветер и воздух.

Но одно, что-то важное очень, я, по-моему, знаю

И оттого после каждой засухи я опять прорастаю.

ТО,

или Хвостатый сонет о Времени

То бежит, то спотыкается,
То торопится, то мается,
То ласкает, то кусается,
То зализывает раны.

То весёлое, то смутное,
То большое, то минутное,
То навстречу, то попутное,
То не вовремя, то рано.

Собирает и разбрасывает,
Позволяет и обязует,
Разрывает и привязывает,
Ничего не обещая...

Никому не подчиняется,
Никуда не возвращается,
Никогда не повторяется,
Не прощает, не прощает...

ТЕПЛО

Тепло впопыхах улетает
 нестройною стаей,
Тепло оставляет тебя
 за дверями дождя.
Ты лето листаешь,
 ты лето запоем читаешь,
Последними белыми днями
 легко шелестя.

Ты ходишь по дому,
 устав от друзей и знакомых,
Ты хочешь за музыкой
 спрятать свою немоту,
И жизнь наблюдаешь достойно
 с отметки балкона,
Как будто боишься навлечь
 на себя суету.

А солнце под вечер
пускает оранжевых зайцев.
Потёртый паркет
благодарно светлеет в ответ.
Сонеты свои распахнул
недочитанный август,
И между страницами
первый твой день затерялся,

А ты замечаешь, как время
сочится сквозь пальцы
И где-то за дверью впадает
в течение лет.

И

И ты говорила ему, что знаешь,
 куда идти,
И сколько дней продлится
 этот поход.
И ты говорила, что будешь рядом
 в пути
От самого дома — и
 до Царских ворот.

И вдруг поняла, что отныне тебя уже нет,
И ты жила, чтоб однажды
 ему сказать,
Что видишь боль, как можно
 увидеть свет,
И, когда он молчит, - слышишь его
 глаза.

И ты запела, – ты думала,
будет светлей,
И это была лучшая песня твоя
О том, что выбор дороги – удел королей,
А ты – лишь туфелька
на ноге Короля.

Но до того, как он снимет тебя не спеша,
Ты сделаешь с ним хотя бы
один его шаг.

СВЕТ**I**

Свет погасила, чтобы лучше видеть
Безумие растерзанного неба,
И, сбросив ненавистные одежды,
К дождю прижалась обожжённой кожей...

II

Мой дом стоял у ветра на пути,
И пролегли дороги через комнаты,
И наизнанку вывернулись двери,
И сломанным крылом окно захлопало...

III

А я упала посреди квартиры.

Раскрытые глаза пронзали ливни

И сквозняки опустошали вены.

К тебе опять пытаюсь прикоснуться,

Из темноты я протянула руки

И пальцами впелась в упругое пространство...

ИДУЩИЕ

Идущие в мою страну ступали тихо,
Усталыми глазами улыбаясь мне.
И столько боли было в этих лицах,
Как будто шли святые по земле.

Огромные заснеженные птицы,
Кружившие над ними в вышине,
Спускались иногда воды напиться
К моей речной холодной синеве.

Но уходили путники куда-то на восток...
Их речи были медленно-туманны.
Они владели странным, непонятым языком,
Но четко прозвучало: «Слишком рано»...

А птицы с этих пор, под вечер прилетая,
Касаются меня прозрачными крылами.

ВОСЛЕД

Вослед уходящему солнцу,

Вослед уходящему дню

Приди...

Закатная патока льётся

И стелется густо по дну

Реки.

Сегодня ты можешь услышать,

Как берег остывший дышит

Во сне,

И ночь поднимается выше

И лунные травы колышет

В росе...

... Мой маленький мир улыбнулся,

На цыпочки встал, затих,

Когда ты губами коснулся

Звезды в ладонях моих...

МАГИСТРАЛ

Я
Никогда
Не
Видела
Лица
Её,
Но
Знаю
То
Тепло
И
Свет,
Идущие
Вослед...
Лето 1997 г.

СТИХИ В АЛЬБОМ

Алёне и Артёму

Два дыхания сливаются, два ветра,

две волны,

Две планеты, две галактики,

два космоса.

В ослепительном полёте – две улыбки,

две весны

И одна душа, поющая

в два голоса...

1998 г.

ДОРОТЕЯ,
или Летающая девочка

*Посвящается моему другу
Люциану Долинскому, питерскому
скульптору и художнику*

Закована каменной скорлупой,
Похищена тьмою у солнца и ветра.
Пытаюсь понять, как пахнет прибой,
Пытаюсь коснуться лунного света.

Хочу достучаться до звучного дня,
Хочу докричаться до белого неба,
Но слишком уверенно держат меня
Уютные стены домашнего склепа...

Летающей девочке надо летать,
Лицо подставляя упругим потокам,
И я вырываюсь из тела опять,
Предчувствуя гибельный привкус полёта.

1997 г.

АВТОПОРТРЕТ

Ребёнок полутёмных комнат,
Слепой поклонник цвета чёрного,
Ты занавешиваешь окна,
Где день ветрами перечёркнут
И вечер на куски расколот.

Твоя погода переменчива,
Твои движенья зашифрованы,
Твой голос тишиной отмечен...
А на стене, как нарисованные,
Часы показывают Вечность...

И только вздрагивают крылья,
Давно забытые в прихожей.
Сквозная тоненькая жилка,
Бледнея медленно под кожей,
В ответ пульсирует бессильно.
1998 г.

* * *

Я пустыня, я камни, я прах,
Я землёй запеклась на губах.
Я изрезана зноем в лохмотья,
Я пытаюсь лететь, но слепну на взлёте.

Я иду на собственный зов,
Разбиваюсь в кровь о своё отраженье.
Одинокая стрелка моих часов
Продолжает бессмысленное движенье...

1997 г.

ДУШЕ

Лети – моя бескрылая,
Свети – моя унылая,
 Молчи – моя звенящая,
 Кричи – моя скорбящая,
Танцуй – моя сидячая,
Рисуй – моя незрячая,
 Беги – моя неспешная,
 Цвети – моя подснежная,
Усни – моя бессонная,
Уймись – неугомонная,
 Твори – моя нетленная,
 Люби – моя Вселенная.
И все же – безначальная –
Не пропади отчаянно,
 И все же – бесконечная –
 Не пропади, беспечная...
1999 г.

СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ

(Франсиско Гойя)

Сегодня все мои враги пришли ко мне,
Заполнили и комнаты, и коридоры,
И, притворившись странными убогими людьми,
Смиренно улыбались и в глаза заглядывали тихо,
И силы черпали в бессилии моём,
И думали, что я их не узнаю
И вовремя не подниму оружие своё.

О, как напрасны были их надежды,
Как искривлялись в ужасе гримасы,
Когда я метила в разинутые пасти!
Но иногда рука моя невольно опускалась:
Я различала вдруг под масками чудовищ –
О, боже! – собственных детей,
Рождённых сумрачным умом
И вскормленных больным воображеньем.

И становилось душно и темно,
И я звала тебя, распахивая окна.
Но ты был слишком далеко, чтобы услышать.
И мой последний враг уже свой поднял меч
И ждал, когда я брошу карандаш
И в клочья разорву бумагу...

1997 г.

К ТЕБЕ

Иду –

по медовой листве распластанной,
Обратившей дождливый асфальт в витражи.

Иду –

по обрывкам неба вихрастого,
Разбрызганного сотней каблуков и шин.

Иду –

по огням городов мерцающих,
Рассекая потоки людей и звуков,
И есть в этом нечто пугающее,
Как в полёте стрелы,
выполняющей волю лука.

Иду –

в лабиринте ночей потерянных,
Проходя времена и пространства насквозь,
Позади оставляя страх и неверие
И напрасных обид
колючую горсть.

Иду –

это всё, что могу я теперь.
Никто не посмотрит вослед и не скажет “прости”,
И когда, наконец, ты откроешь дверь,
Я увижу всю бесконечность
моего пути...

1997 г.

СПАТЬ РАЗУЧИЛАСЬ

Я уже никогда не усну,
 эта ночь продлится века.
Никогда не закрою глаза,
 и они потеряют цвет.
И обрушится небо на землю,
 утонут у рек и морей берега,
И сорвутся с привычных орбит
 миллиарды планет.
Эта ночь продлится века,
 и слепые дожди размоют пути.
Почерневшие птицы забудут,
 что пели когда-то,
 и в норы забьются,
И в отсутствии света мой мир
 не сумеет меня найти,
И слова мои отзвучат,
 и шаги в пустоте разбредутся.

Но когда бесконечность окончится,
и столетье последнее
 тихо дождями прольётся,
Я увижу твоё приближенье
 в лучах удивлённого солнца...

1997 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Часть I. Март 1992

Снега стареют, бредят половодьем,
Рыдают крыши тёмными слезами,
И хлюпают носы у пешеходов,
Поддавшись моде мокрого безумья.

Душа висит на тонкой паутинке,
Охваченная медленным молчаньем,
И маятником собственные дни
Безжалостно сама определяет,
Отсчитывая плавные круги...

Ну кто сказал, что жизнь идёт вперёд?

Она – *пожизненное* возвращенье

меня – к себе,

меня – к себе,

И завершенье

меня – в тебе,

меня – в тебе...

1992 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Часть II. Март 1998г.

По кругу, по кругу
На вечную муку,
Бегом, задыхаясь...
А прежде казалось –
По лестнице вверх поднимаюсь, но всё же
Ступени одна на другую похожи.
По коже движенья
Кругами... На шею
Спускаются локоны, словно мишени,
Сплетаются кольцами взгляды и руки,
И кровь по большому и малому кругу
Струится... Безумное это вращенье –

Моё воплощение,
Моё поражение...
По кругу, по кругу
На вечную скуку...
Я делаю шаг в уходящее утро.

1998 г.

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ СУДЬБА

Не пересилить, не избыть,
Не оторваться, не подняться...
Что остаётся? Только плыть –
Легко течению отдаться.

Всё дальше от ненужных слов,
Всё дальше от бумажных истин,
Где ветер новых берегов
Развевает путанные мысли.

Не понимаю, почему
Я так вырастаю вожаденно
В несуществующую тьму
Несуществующего плена?

Не понимаю, почему
Я покоряюсь так умильно,

Когда меня влечет ко дну
Моё недужное бессилье?

Лежу, опять лежу весь день –
Всё в доме молоко прокисло...
Горизонтальная постель –
Приют горизонтальной жизни.

«Не понимаю, не хочу,
Не буду, не посмею даже!» –
Я все глаголы прокричу,
Пусть лежа, но зато – отважно...

Горизонтальную судьбу
Я слишком близко подпустила,
Так близко, что когда-нибудь
Не поднимусь, не пересилю.

1999 г.

* * *

Метёт зимою с Севера,
Ползёт морозный треск
Простуженное дерево
Напоминает крест –
И веткой

качает

Отчаянье...

1985 г.

Земное зимнее Безмолвие
Огромными укрыло крыльями
Меня - в моём унылом городе,
Меня - в моей унылой гавани.

Земное зимнее Безволие
Упало, оплело, опутало
Меня – в моём ледовом городе,
Меня – в моей ледовой гавани.

О, как легко и как безропотно
Я поддалась гипнозу белому:
Предательски открыла двери я
Земному зимнему Безверию.

Четыре бесконечных месяца –
Четыре строчки ненаписанных –
Я получила в наказание
За это зимнее молчание.

1999 г.

* * *

Слепнут мои стихи,
Сонно бредут наощупь,
Сумрачны и тихи,
День перепутав с ночью.

Вязнут они в грязи,
Не находя дороги,
Но продолжают идти
И обивать пороги.

Слепнут мои стихи,
Вянут и блекнут краски:
Нет ни одной строки
Правдоподобно ясной.

Их размела метель
И разметали ветры...
Ты не откроешь дверь
Им ни за что на свете.

Может, когда-нибудь
Кто-то до боли знакомый
Выведет их на путь
К недостижимому дому.

1999 г.

* * *

Я открыла глаза, чтоб услышать
весеннее пение птиц,
А услышала только старушечье
рваное карканье,
Я лицо подняла к небесам,
чтобы ветра испить,
Но оттуда картонное солнце
глядело затравлено.

Я раскрыла объятия навстречу
идушим ко мне,
Но одни не дошли, а другие
меня не узнали.
Я отправилась в путь, но бесследно
прошла по земле,
Я вернулась домой, но опять
никого не застала.

Я слова говорила, которые
были важны,
Но теперь будто сказано всё –
и душа
замолчала...

Я открыла глаза, чтоб услышать
дыханье Весны
И порывистый, бешеный взмах
у себя за плечами.

1999 г.

БЕЛОЕ

I

А. Слободянюку

В этом белом безумии канет беда,
Заметёт по макушку мою маету,
И осыпятся, оледенев на лету,
Полинялые звёзды...

И только одна –
Онемевшего неба Полярная дочь
Прожигает огнём одноглазую ночь.

В этом белом бреду, по сугробам судьбы
Я пытаюсь вернуться, не видя тропы ...

II

А. П.

Твоими силами сильна,
Твоим желанием желанна,
Твоими мыслями умна,
Твоей улыбкой осиянна.

Твою угадываю боль,
Твоим дыханьем задыхаюсь,
Распятая твоей судьбой,
С тобою вместе воскресаю.

В твоей потерянной ночи,
Слезамися падая сухими,
Полынно на губах горчит
Твоё несказанное имя.

Ш

*...Пустыня – это как свидание
с самим собой...»
Антуан да Сент – Экзюпери*

В сады мои опять пришла пустыня –
Корявые, бесплодные деревья
Раскрыли почерневшие объятия,
Движения мои смертельно раня.
В пыли и пепле задохнулось небо,
И солнце заскрипело на зубах.

Песок, вулканной лавой наползая,
Мой голос переполнил пустотой
И, через кожу жарко проникая,
Густеющую кровь остановил.

Когда в меня опять вошла пустыня,
Окаменели белые стихи –
Смерть поглядела в сторону мою,
Помедлила – и, всё-таки, ушла.

IV

БЕЛАЯ МОЛИТВА

Избавь меня, Боже, от боли –
Скажи мне, откуда я? Кто я?
Куда мне идти, далеко ли?
Вослед или рядом? Одной ли?

Отмерь испытаний на долю:
Слезами и кровью наполни
Протянутые ладони –
До самого края – не боле.

Лиши тишины и покоя,
Возьми мою силу и волю,
Открой меня ветру и зною,
Сожги моё сердце...
Но только
Не дай мне отвыкнуть от боли –
Оставь меня, Боже, с любовью.

V

Евгении Аристовой

Белая-белая музыка падает,
Ветром запутаны ноты и паузы.
Мерно и млечно мерцает мелодия,
Длинные такты деля на столетия.

Тонкая-тонкая, лунно и шёлково
Вьётся душа, дотянуться пытается,
Переплетается, тихими пальцами
Плавно и тайно дыханья касается.

Долгая-долгая, тёмно-лиловая
Теплится ночь...

Начиная падение,
Тело звучит, невесомо-бессонное,
Белое-белое, тонкое-тонкое...

1998 г.

ХРАНИТЕ ТИХО

Л. Слободянюк

*Мою прозрачную печаль,
Мою восторженную радость,
Моих отчаяний печать,
Мою минутную усталость,*

*Мои беззвучные слова,
Мои сплетённые сонеты,
Мои моря и острова,
Мои дождливые рассветы,*

*Мою разбуженную боль,
Мои заснеженные ветви,
Мою беду — мою любовь,
Мои безудержные ветры,*

*Мелодии моей руки,
Мои немые полуноты,
Мои поющие шаги
И недопетые полёты*

Храните тихо...

1998 г.

Я вижу каждый твой шаг

...Он взял меня за руку, и мы вместе вступили в эту реку страдания и очищения. Он мучился, как и я. Мы разделили эту боль, как и прежде. Он уже много лет приходит ко мне. Я не знаю его имени, но, наверное, это не Бог. И у него - твои глаза...

Однажды ты сказал мне, что живёшь на острове. Река и каналы окружили твой дом со всех сторон. Несколько раз ты проводил меня сквозь это водное кольцо, и мы вместе слушали, как бежит вприпрыжку, обгоняя нас, твоё детство, легко и счастливо смеётся рядом твоя юность, и когда ты позволял прикоснуться к своему миру и дарил любимые просторы с запахами трав и речной свежестью, неожиданно сменявшиеся автомобильной суетой и вечерними дворами, я понимала, что никто

*на свете так не любит остров, как ты, и никто так
не любит тебя, как твой Остров.*

Тёмный город затаил дыхание
В ожидании твоих шагов.
Натянули линии трамвайные
Струны на распятия мостов.

Где Москва каналами расколота
И от ветра клонит фонари,
Небо гневно горизонты комкает
И дождями мятыми сорит.

А в краю, где не живут трамваи,
На далёком перепутье снов
Я стою и, затаив дыхание,
Слушаю чечётку поездов...

...Мой дом здесь, рядом с ним. Пусть он сомневается и многого не знает, но мы ошибаемся вместе. Я хожу одна, но во мне нет страха, как будто он ведёт меня за руку.

В который раз снимая трубку простуженного, глуховатого телефона-автомата, ты с трудом различаешь голос другого — материкового — мира, и в эти минуты мы оба знаем, что ты никогда не сможешь уйти из города, даже на время, потому что без тебя он опустеет.

Светящиеся нити электричек тянутся ко мне без конца, прошивая эту ночь без берегов, а я закрываю глаза и улыбаюсь, благословляя каждый твой шаг.

1997 г.

Глава 2

**ПАЛИТРА,
ИЛИ ЛИКИ ВЕТРА**

**произведения, не вошедшие
в первую книгу**

* * *

*Так близко подойти
И не коснуться.*

*Так долго говорить
И не сказать.*

*Дыхание испить,
Не захлебнуться.*

*Сорваться и на помощь
Не позвать.*

*Услышать голос
И не задохнуться.*

*Не выбежать навстречу,
Не посметь.*

*Так близко подойти
И не коснуться.*

*Так близко подойти
И не сгореть.*

МАМОЧКЕ

Хочу воспеть мою любовь
Не в гимнах и не в дифирамбах,
А языком простых стихов,
Негромких и неспешных ямбов.

Зовётся маминой душой
Тот мир, на музыку похожий.
Он, как Вселенная, большой,
И всех сокровищ мне дороже.

Он вместе с мамой входит в дом,
Его собою наполняет.
В жилище тихом и пустом
Всё неизменно оживает.

Любимый голос прозвучит,
И сердце счастьем захлебнётся,
И из груди навстречу рвётся,
И впереди на зов летит.

И эти руки, что меня
Всю жизнь кормили, одевали
И лучше всякого огня
Своей заботой согревали –

Я руки мамыны люблю...
Мне часто так их не хватает,
Что к ним во сне, как наяву,
Я со слезами припадаю...

А годы зрелые спешат,
Но чувствую неотвратимо,
Что нас, как сорок лет назад,
Соединяет пуповина.

Надежды общие у нас,
И радость, и печаль, и горе.
С душой душа переплелась,
Тончайшие пустила корни...

Когда вечернюю зарю
Я провожаю в доме тёмном,
За каждый день благодарю,
С тобою вместе проведённый,

Благодарю за каждый час,
За каждое прикосновенье,
За всё, что разлучает нас
И служит нашему сближенью.

Родная, добрая моя!
Я многих лет тебе желаю,
И пусть Любовь хранит тебя
И никогда не оставляет.

Хочу писать, но не могу:
В душе какое-то затишье,
Лишь смутные четверостишья
В своем сознание берегу.

Я не могу собрать воедино
Все ощущения этих дней,
Я не могу писать картину:
Моя рука дрожит над ней.

Когда все звуки соберутся
В упругий, накаленный стих?
Картине важен первый штрих -
И краски нужные найдутся.

(1987)

* * *

Коснись скрещенных рук

и темного лица...

Я так тебя ждала!

И ты об этом знал.

Ждала, чтоб ты пришел

и выжег до конца

И чтобы сам закрыл

мои

глаза.

(1989)

ПАЛИТРА, ИЛИ ЛИКИ ВЕТРА

ПРОЛОГ

...А ветер шёл размашисто и нервно,
Крылато - широко раскинув руки...

Метались и шарахались деревья,
Швыряя исковерканные звуки,
Как высохшие ломаные стрелы.

...А ветер шёл бредово и угарно,
Извечные пейзажи искажая...

И все пути и дали были рваными
И, птицами навывлет продырявлены,
Грядущие пожары отражали.

...И, пожирая дымные цвета,
Чернеющее небо нарастало...

От жаркого отчаянья восстав
Я, запрокинув голову, стояла,
По ветренному руки распластав.

1999 г.

ЧЁРНОЕ

Тонкие улицы венами путались,
Тени темнели, плутали, сутулились.
Город болел, задыхаясь басово,
Фарами исполосован.

Ветер трепал его зло и неистово,
Ветер срывал жестяные карнизы.
Окна глядели открытыми ранами,
Слёзы теряя стеклянные.

Будто бродягу, худого, бездомного,
Горбило город под тяжестью холода,
Только одно, безучастно огромное,
Небо молчало над городом.

СИНЕЕ

То ли вздохом далёкой реки,
То ли взмахом крыла ночного,
То ли лёгкой стрелою строки,
То ли болью бессонного слова,

То ли сказкой забытой давно,
То ли песнями древних столетий
Ты моё распахнул окно,
Ты ворвался ко мне как ветер.

Две мелодии переплелись,
И балладами стали сонеты,
И мой дом наполнило небо –
Беспокойная синяя высь.

ЗЕЛЁНОЕ

Бредит ветер декабря,
Сухо, холодно хохочет.
Снеговую оболочку,
Поистрёпанную в клочья,
Кое-как латает ночью
Почерневшая земля.

На излучине зимы,
Замерзая, бредит ветер.
Перевёрнутые сны
Малахитового цвета –
Сны ликующего лета –
Видит ветер на рассвете.

В эти утренние грёзы
Тишина роняет росы,
И, свои раскинув сети,

Ливни наполняют воздух,
И зеленоглазый ветер
Травы заплетает в косы,

И легко петляют реки,
И в листве щебечут флейты...
...Но истёртой кинолентой
Рвётся призрачное лето –
И, как прежде, до утра
На дорогах декабря
Безобразный бредит ветер...

КРАСНОЕ

Я не могу уснуть – оно мешает мне,
Оно кричит внутри и рвёт меня на части,
И я сжимаю крик, завязывая в узел
дыхательное горло,
и стягиваю рваные края
пульсирующей плоти
горячими бинтами простыней.

Я не могу уснуть – оно мешает мне,
И анатомия – увы! – давно бессильна
В случае моём:
Должно стучать в груди, чуть слева,
А оно –
Везде, во всём, в суставе каждом,
в каждой вене,
И в голове всё тот же топот
И та же боль.
Я вся – одно большое бешеное сердце.

Но в редкие минуты тишина
Ко мне приходит робкими шагами,
И мы молчим,
И ты показываешь мне
Такое чудо в бережных своих ладонях.
Оно свернулось крошечным комочком,
Почти неслышное в заплаканной улыбке.
Почти послушное в своём уютном доме,
Почти янтарное в своём блаженном мире...
...А ночью было пламенем, и лавой,
и диким ветром, но теперь
его ты приручил и держишь осторожно.
И только учащённый шёпот слышишь:
«Не выпускай... не выпускай...»

БЕЛОЕ БЕЗВЕТРИЕ

По дому
пустому
брожу, утопая
по пояс в молочно-кисельном тумане,
и следом свою безразличную душу
тащу за верёвочку,
будто игрушку.

Верхушки
диванов и прочих предметов
торчат из тумана,
как пики Тибета.

Закована
комната
Снегопадением,
и в зеркале нет моего
Отраженья...

ЧЁРНО-БЕЛОЕ

1

У этой птицы нет лица,
А только горькие глаза
И белая улыбка,
Крыло из тёмного свинца,
И отторгают небеса
Подобную ошибку.

У этой песни нет судьбы,
Одни бездарные мечты,
Грошовые сомненья.
Доводит небо до беды,
И не заполнит пустоты
Бездонное паденье.

У этой боли нет границ –
Огромен мир безликих птиц...

Летели белые века:
Синели небо и вода,
И разноцветные ветра
Переполюбили города.

Пылали чёрные века:
Кипели небо и вода,
Текли и плавилась ветра,
И раскалялись города.

Стояли серые века:
Молчала мёртвая вода,
Лежали пеплом города,
Мосты, погосты и ветра,
Шаги, дыханье, голоса
Угасли в каменных часах...

Не дай, Господь, мне долгих лет,
Раскрашенных в угрюмый цвет,
А дай мне, Господи, взлететь
И загореться, и – сгореть.

БЕЛОЕ

Вздох,

распятый в дверном проёме,

Взмах,

Взметнувшийся в узкой клетке,

Двух

одинаковых и непохожих

Птиц,

ломающих крылья о прутья крепкие.

Вздохом

сквозные распахнуты взгляды,

Взмахом

два крика, два тела распластаны,

Двое

всполохом белым взрывают пространство —

Птицы

испуганно друг из друга пытаются

вырваться...

ЭПИЛОГ

Опять уходит ветер на восток...
Ему вослед протягивают руки
Сквозь бесконечности дорог –
Застывшие течения разлуки.

Сквозь тонкое оконное стекло
Я вижу, как вращается планета,
Ворочается небо тяжело,
Неудержимо уходя за ветром.

А в доме - ни шагов, ни голосов,
А в доме ничего не происходит, -
Когда уходит ветер на восток,
Дыхание моё за ним уходит...

Из дома, где бессонно и темно,
Где не дожидаться никогда рассвета,
Разбившись о восточное окно,
Я снова выхожу в открытый ветер.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Истинное дарование всегда испытывает мгновения, практически неуправляемые, чувственности и вдохновения. У одних эти мгновения, проклокоча, тут же гложут, у других – на чистых листах памяти – оставляют нам, словно бы на вечное хранение, очаровательный свет слова и звука.

Мы не можем знать то, что в сердце Елены. Но прочитав книгу её, предназначенную для круга людей по-настоящему добрых, для которых сильное и благородное чувство, счастливо выраженное в пронзительных стихах и поэтической прозе, будет настолько близким, дорогим и понятным, как близко, дорого и понятно это чувство мне.

Л. ДУДИН

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
“Все пропитано в мире водой...”	4
Нашествие	5

Колыбельная князю

“Когда господь трудился над моей любовью...”	9
“Где ты теперь...”	10
“Вначале был свет...”	12
“Распятые мое так высоко...”	13
“Зачем я пришла к моему палачу...”	15
“Горячим лбом в холодные ладони...”	17
“Сойди с креста там нет любви...”	18
“Пора уходить, и в доме темно...”	19
“Я дверь толкнула и вышла куда-то к луне...”	20
Колыбельная князю	22
“Когда-нибудь от боли возвращенья...”	24
“Когда в последний раз ударил колокол...”	25
“И если суждено ему родиться было...”	26
“И этот свет вошёл ко мне...”	27

Белое

“Я сегодня отворяю дверь - опять...”	31
Пролиться музыкой и светом	32

ВЕНОК СОНЕТОВ

1. Я	35
2. Никогда	36
3. Не	38
4. Видела	39
5. Лица	40

6. Её (Дольники о смерти)	41
7. Но.	42
8. Знаю.	43
9. То, или Хвостатый сонет о времени.	44
10. Тепло	46
11. И.	48
12. Свет	50
13. Идущие	52
14. Вослед	53
15. Магистрал.	54
Стихи в альбом	55
Доротея	56
Автопортрет	57
“Я пустыня, я камни, я прах...”	58
Душе	59
“Сон разума рождает чудовищ...”	60
К тебе.	62
Спать разучилась	64

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Часть I. Март 1992 г.	66
Часть II. Март 1998 г	68
Горизонтальная судьба	70
“Метёт зимою с Севера...”	72
“Земное зимнее Безмолвие...”	73
“Слепнут мои стихи...”	74
“Я открыла глаза, чтоб услышать...”	76

Белое

I. “В этом белом безумии канет беда...”	78
II. “Твоими силами сильна...”	79

III. “В сады мои опять пришла пустыня...”	80
IV. Белая молитва	82
V. Евгении Аристовой	83
Храните тихо	84
Я вижу каждый твой шаг	86

ПАЛИТРА, ИЛИ ЛИКИ ВЕТРА

“Так близко подойти и не коснуться...”	90
Мамочке	91
“Хочу писать, но не могу...”	94
“Коснись скрещенных рук...”	95
Палитра, или лики ветра	96
Чёрное	97
Синее	98
Зелёное	99
Красное	101
Белое безветрие	103
Чёрно-белое	104
Белое	106
Эпилог	107
Послесловие	108